

**СТРАТЕГИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ
В ФИЛОСОФИИ ХАННЫ АРЕНДТ**

Бойцова Ольга Юрьевна, доктор политических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27, к. 4
E-mail: olga.boitsova@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению специфики трактовки концепта «власть» в философии Ханны Арендт. Показаны общие черты и различие в истории политико-философского анализа власти: использование концепта в качестве инструмента фиксации предмета познания, акцент на социальных видах власти, рассмотрение власти в тесной связи с политикой. Охарактеризованы важнейшие оптики, нашедшие отражение в теориях, а также основные антиномии, конституирующие философский дискурс власти – реляционизм/холизм и агонизм/солидаризм. Указано, что историческая, генетическая, этимологическая оптики относятся к стратегии, апеллирующей к эмпирическому опыту, в то время как демаркационная, логико-конструктивная оптики опираются на конструирующую деятельность разума. Определено место концепции власти Х. Арендт в контексте данных исследовательских стратегий. В статье показано, что философия Х. Арендт служит примером сочетания нескольких традиционных оптик, используемых для разработки и утверждения оригинального подхода к трактовке власти. Проанализировано значение стратегии концептуализации власти в философии Х. Арендт для современной философии.

Ключевые слова: власть, авторитет, влияние, насилие, управление, господство, концепт, политическая философия, политическое знание, политическая терминология, теории власти

**THE STRATEGY OF CONCEPTUALIZING POWER
IN THE PHILOSOPHY OF HANNAH ARENDT**

Boitsova Olga U., D.Sc. (Policy), Professor
Lomonosov Moscow State University
27-4 Lomonosovskiy Ave., Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: olga.boitsova@gmail.com

The article is devoted to the specifics of the interpretation of the concept "power" in the philosophy of Hannah Arendt. It shows common features and differences in political and philosophical approaches to the analysis of power: the use of the concept as a tool of fixation of the object of knowledge, the emphasis on social forms of power, the consideration of governments, in close connection with the policy. The author gives the characteristic of the major optics, reflected in the theories and basic antinomies that constitute the philosophical discourse of power – relationism/holism and agonism/solidarism. It is indicated that the historical, genetic, etymological optics refers to the strategy, appealing to empirical experience, while demarcation and logical-constructive optics rely on the constructive activity of the mind. The article places Arendt's theory of power in the context of these research strategies and shows that her philosophy is an example of a combination of several traditional optics used for the development of the original philosophical approach to the concept "power" in political thought. Analyzed the importance of the strategy of conceptualization of power in the philosophy of H. Arendt for contemporary philosophy.

Keywords: power, authority, influence, violence, governance, domination, concept, political philosophy, political knowledge, political terminology, theories of power

1

Философская мысль выработала различные стратегии анализа власти. Высказаны, обоснованы и раскритикованы десятки версий, отвечающих на самые разные вопросы, относящиеся к данной проблематике. Каждый интересующийся может заглянуть на условный «склад идей», накопившихся за века интеллектуальной работы, и выбрать те, что пригодны для его целей, – будь то уточнение собственной позиции, иллюстрация уже сложившихся взглядов или же аргументация, предназначенная для критики оппонентов. Специфика философского дискурса состоит, в частности, в неотчуждаемости полученных знаний: в отличие от точных дисциплин, которые располагают особыми инструментами выбора между конкурирующими вариантами и по-

тому способны без сожаления избавляться от всего не соответствующего их жестким требованиям, философия, подобно гоголевскому Плюшкину, не выбрасывает ничего. Причем идеи, аргументы, модели обоснований не просто хранятся на этом «складе». Они находятся в непрерывном взаимодействии, постоянно создавая, как в калейдоскопе, различные причудливые сочетания. И вариант трактовки, некогда отвергнутый и «прозябавший» десятки, а то и сотни лет в полузабвении, в любой момент может всплыть в новой констелляции и оказаться востребованным, войти в концептуальный каркас перспективной теоретической системы и даже стать его конституирующим элементом.

Философия видит одну из важнейших своих задач именно в том, чтобы с усердием и тщанием разбираться в хитросплетениях аргументов и многовековых напластованиях смыслов, прослеживая актуальные и потенциальные векторы их концептуализации. Собственно, поэтому вопросы, которыми она озабочена, и называют вечными – окончательных, финальных ответов она не дает и дать не может. Этим, в частности, объясняется тот факт, что проблематика власти (и особенно власти, связанной с политикой) вновь и вновь оказывается злободневной.

Если говорить о стратегиях концептуализации власти в рамках политической философии, то можно выделить ряд особенностей. Прежде всего, речь идет о власти социальной («за скобки» выносятся вопросы, к примеру, власти человека над природой, природы над человеком, одних животных над другими etc.), причем в фокусе находится определенная сфера социального бытия власти, политика.³⁹ Неразрывное единство концептов «политика» и «власть» также следует отнести к числу наиболее существенных особенностей политико-философского подхода. Конечно, в истории философии вопросы о том, бывает ли власть неполитической и тождественна ли политика борьбе за власть, веками порождали споры, которые не стихли и по сей день. Однако дискуссии о глубине и степени взаимозависимости политики и власти никогда не приводили к отрицанию их принципиальной взаимосвязи. Именно поэтому проблематика власти скрепляет все сегменты предметного поля политической философии, конституируя концептуальный каркас каждой политической теории.

И, наконец, нельзя не упомянуть о том, что в политико-философском дискурсе «власть» выступает не как логически строгое понятие, а как концепт. Будучи нагруженным определенным набором смыслов, он подвергается различным интерпретациям, что обуславливает принципиально значимую характеристику – отсутствие теоретического единства в понимании сущности власти, ее форм, видов и социальных функций.

В политико-философских кратологических концепциях прослеживаются разные оптики⁴⁰. Они распадаются на два вектора: одна исследовательская стратегия апел-

---

³⁹ Здесь нет возможности останавливаться детально на том, что собственно, следует понимать под «политикой». Сама по себе это – непростая задача, особенно если учесть количество трактовок, многие из которых противоречат друг другу. Достаточно, к примеру, вспомнить суждения обыденного сознания, согласно которым политика то относится к разряду морально нечистоплотных занятий, поскольку неразрывно связана с беспринципностью и интриганством, то предстает в виде некоей высшей магии, способной устанавливать «правильные порядки» и обеспечивать счастье и процветание – т.е. спасти всех и вся и решать нерешаемые проблемы. Конечно же, такие версии не могут рассматриваться всерьез в качестве претендента на основу политико-философской концептуализации данной проблемы, и тем не менее, они фиксируют важные аспекты, которые в той или иной мере представлены и в теоретических моделях, – принципиальную валюативность, сочетание агонистских и солидаристских установок, микширование непредсказуемого и управляемого.

⁴⁰ Эти варианты трактовки можно было бы назвать парадигмами, если бы не существенные ограничения, накладываемые философией науки на использование данного термина. Поэтому корректнее будет обозначать их более нейтральным словом «оптика», имея ввиду ракурс анализа и способы актуализации смыслового содержания концепта «власть». Необходимость та-

лирует к фиксируемой в опыте реальности, другая – к конструирующей деятельности ума. Так, к эмпирически ориентированным линиям познания власти относятся, к примеру, историческая, генетическая и этимологическая оптики. *Историческая* описывает практику употребления концепта и историю его интерпретации, хронологически упорядочивая его смысловые пласты; *генетическая* выявляет зависимость смыслового наполнения концепта от специфики культурного контекста; *этимологическая* исследует общее семантическое поле концепта, опираясь на фиксацию его смысловых нюансов в языке [см.: 8; 10; 12; 13].

Среди ярких образцов аналитического вектора следует назвать *логико-конструктивную* оптику, которая стремится сформировать строгое понятие власти⁴¹, и *демаркационную*, нацеленную на выявление специфики концепта «власть» путем его содержательного разграничения с другими терминами. Если логико-конструктивная стратегия преимущественно свойственна представителям политической науки [напр., 18; 20], то демаркационной линии следует значительная – если не подавляющая – часть авторов, проводящих политико-философский анализ власти [напр., 19; 1; 9; 11 etc.].

2

За многие годы философского осмысления власти сформировались как базовые стратегии, задающие основополагающие векторы ее концептуализации, так и оппозиционные им версии. Подход Ханны Арендт уникален тем, что служит примером сочетания нескольких традиционных оптик, используемых для разработки и утверждения оригинального, по сути «маргинального» варианта трактовки власти.

Как известно, конкурирующие линии политико-философской концептуализации власти опираются на две фундаментальные антиномии: одна из них разделяет позиции по вопросу о субъектности власти (реляционизм / холизм), другая – по оценке роли насилия (агонизм / солидаризм).

В первом случае спор идет о том, является ли власть отношением между агентами или же свойством и способом функционирования общества в целом. Реляционизм подчеркивает коммуникативную природу власти, ее активный, направленный характер, связь с целеполаганием. Такая трактовка предполагает наличие носителей власти, наделенных сознанием и волей и вступающих друг с другом в несимметричные отношения, причем одни участники интеракции имеют возможность подчинять себе других. В классических версиях власть понимается как субъект-объектное отношение, предполагающее доминирование повелевающего над волей подчиняющегося – примером подобного способа трактовки служит веберовское определение власти, впоследствии скорректированное Р. Далем: власть А над Б заключается в способности А добиться, чтобы Б сделал то, что по своей воле он делать бы не стал [см.: 17]. Взаимодействие выступает в качестве стержневого пункта и в концепции А. Кожева: власть в ней понимается как проявляемое в деятельности субъект-объектное отношение, характеризующее свободой, сознательностью и активностью [11, с. 16].

кого смягчения становится очевидной, если учесть, что в историко-философской мысли прошлого, двадцатого, столетия важнейшей, постоянно набирающей силу тенденцией оказалось именно микширование подходов и инструментов концептуализации.

⁴¹ Нельзя не отметить, что задача достижения понятийной строгости при анализе власти и по сей день остается нерешенной. В политическом знании достичь точности и абсолютной универсальности содержания понятий практически невозможно – из-за укорененности в терминологии слов естественного языка с их неустранимым полисемантизмом и постоянно растущей вариативности теоретических интерпретаций, а также в силу ангажированности контекста, препятствующего формированию ценностно нейтральных, конвенциональных инструментов анализа. Безусловно, в рамках конкретной теоретической конструкции концепт «власть» может приобретать понятийный характер, однако и в таком случае его точность относительна, поскольку все остальные смыслы не исчезают, а сохраняются в его семантическом поле [см.: 2; 13; 16].

Противоположная трактовка представлена в концепциях холистского типа, где власть предстает как свойство интегрированной общности – или социума в целом, или социальной системы/подсистемы, или социальной группы. Эта стратегия разрабатывалась, прежде всего, структурным функционализмом [см., напр: 15]. Власть трактуется как способность некоей общности реализовывать общезначимые цели путем мобилизации ресурсов, распределения функций между участниками (элементами) и координации их действий. Источники власти экзогенны по отношению к конкретным людям: индивиды наделяются властью в силу того, что занимают определенные социальные позиции, фиксирующие пределы их полномочий. Таким образом, определяющим является не воление, а статус, не личность, а функционал, структура.

Арендт выходит за рамки дискурса власти, задаваемые данной антиномией. Она предлагает трактовку, сочетающую в себе как реляционный, так и холистский подходы к трактовке власти. В ее политической философии власть предстает в качестве способности консолидированного действия, которая реализуется в процессе коммуникации. Таким образом, с одной стороны, власть неразрывно связана с интеракцией, а с другой, порождается в результате социальной интеграции. Такой подход, рассматривающий власть как особую коммуникативную среду, позволил избежать «болевых точек» каждой из сторон антиномии: одновекторности властного действия в реляционизме и невозможности объяснения индивидуального решения в рамках холизма.

Что же касается второй антиномии, в которой противостоят вайолентная и консенсусная трактовки власти, позиция Х. Арендт полностью соответствует одной из задаваемых стратегий концептуализации. Как известно, вайолентно-агонистический подход исходит из наличия в обществе фундаментального, неустранимого конфликта, порождаемого антагонизмом интересов. Власть в данном случае понимается как способность индивида или группы, выигравших в борьбе за доминирование, навязать собственную волю побежденным и принудить всех к реализации интересов победителя.

Примечательно, что трактовка власти как насильственного принуждения (личного и/или опирающегося на соответствующие социальные институты) настолько распространена, что ее разделяют мыслители, выступающие как непримиримые противники во многих других вопросах: только в XX в. агонизм нашел проявление и в децизионизме К. Шмитта, и в анархизме (Б. Такер, А. Нок, М. Ротбарт), и в экзистенциализме (Ж.П. Сартр, А. Камю), и в политическом реализме (Г. Моргантау, Дж. Кеннан, К. Уолц). Нельзя не вспомнить в этой связи и марксистскую традицию, к примеру, фрейдомарксизм (Г. Маркузе, В. Райх) или постмарксизм (Э. Лаклау, Ш. Муфф).

Солидарны в вайолентной трактовке власти и теоретики, которые находятся по разные стороны баррикад по проблеме первой антиномии, о которой шла речь выше. Так, упоминавшаяся реляционистская трактовка власти вполне сочетается с точкой зрения Т. Парсонса, выступающего с холистских теоретико-методологических позиций: «Власть... является реализацией обобщенной способности, состоящей в том, чтобы добиваться от членов коллектива выполнения их обязательств... и допускающей возможность принуждения строптивых посредством применения к ним негативных санкций, кем бы ни являлись действующие лица этой операции» [15, с. 242].

Другая сторона антиномии, консенсусно-солидаристская стратегия концептуализации власти – а именно ей отдает предпочтение Х. Арендт, – представлена в нашем столетии значительно в меньшей степени. Опираясь на аристотелевские традиции трактовки политико-философского солидаризма, в XX в. она нашла выражение, к примеру, в теориях этического социализма неокантианства (Г. Коген, П. Наторп), либеральной демократии (Ч. Мерриам и Чикагская школа политической науки), социального государства (Дж. Дьюи, Дж. Кейнс), делиберативной демократии (Ю. Хабермас).

При такой стратегии концептуализации источником власти признается способность социума к самоорганизации, к осознанному упорядочению и воспроизводству образцов взаимодействия, к определению общих целей, значимых для сохранения его идентичности и целостности. Сама социальность трактуется как единство на основе

консенсуса. Такая позиция допускает возможность и даже неизбежность межгрупповых противоречий, как и борьбы за доминирование, однако роль конфликта здесь оценивается как существенно менее значимая по сравнению с консолидацией. Вайолентный характер управления, как правило, связывается с неразвитостью властных практик: насилие признается крайней мерой, применяемой в чрезвычайных случаях, а на первый план выходят проблемы публичной сферы как места политического диалога и практик управления, обеспечивающих реализацию консенсусных стратегий.

Такая установка и лежит в основе трактовки власти у Х. Арндт, однако в предельно радикализированном виде. В ее концепции власть не только трактуется как основа совместного действия, но прямо противопоставляется силовому принуждению: «Власть и насилие противоположны, – утверждает она, – абсолютное владычество одного из членов этой пары означает отсутствие другого» [3, с. 66]. Это, к примеру, ведет к кажущемуся парадоксальным – особенно в контексте политической практики – выводу, что террор возникает при отсутствии власти. Логика аргументации такова: власть – основа совместного действия, средство стабилизации отношений в социальной системе; насилие – средство достижения цели в условиях, когда нет готовности к совместному действию (т.е. при недостатке власти); террор – крайняя форма жесткого принуждения, когда насилие из средства превращается в цель; соответственно, террор возможен только в том случае, когда власть полностью разрушена.

3

Позиция, не просто подчиняющая, а прямо противопоставляющая власть насилию, безусловно, является «маргинальной»: столь радикальную трактовку вряд ли удастся найти даже среди консенсусных концепций. При очень незначительной идейной опоре, которую может предоставить историко-философская традиция, Х. Арндт прибегает к соединению двух оптик, этимологической и демаркационной, что позволяет не только раскрыть требуемые смысловые нюансы, но и добиться решения основной задачи – обосновать выбранную стратегию политико-философской концептуализации власти.

Указанные оптики нужны ей для выявления семантических различий и противопоставления сходных слов, используемых для обозначения власти. «Мне кажется довольно прискорбной характеристикой текущего состояния политологии, – заявляет она в работе «О насилии», – то, что наша терминология не проводит различия между такими ключевыми словами, как «власть» (*power*), «мощь» (*strength*), «сила» (*force*), «авторитет» (*authority*) и, наконец, «насилие» (*violence*) – которые обозначают несовпадающие, различные феномены и в ином случае вряд ли существовали бы... Их употребление в качестве синонимов не только обличает некоторую глухоту к языковым смыслам, что само по себе уже было бы достаточно серьезно, но и приводит к определенной слепоте по отношению к стоящим за этими словами реалиям» [3, с. 50–51].

Действительно, в истории политической мысли для обозначения власти служили различные слова, которые то выступали как синонимы, то использовались для демаркации определенных смысловых нюансов. В европейских языках основополагающую роль сыграло латинское слово «*potestas*» (к нему, собственно, и восходит английское «*power*», используемое Арндт для обозначения власти), которое, в свою очередь, происходит от глагола «*potere*», имеющего значение «быть способным сделать что-то» и связанного с «*potentia*» – «возможностью» и одновременно «мощью». Именно в «*potestas*» наиболее полно представлено семантическое ядро концепта «власть»: способность произвести желаемое действие, которая обусловлена наличием мощи, возможностей и ресурсов, позволяющих реализовать волю властвующего. Примечательно, что в современных языках производные слова («*power*» (англ.), «*el poder*» (исп.), «*le pouvoir*» (франц.) etc.) означают не только «власть», но и «могущество», «сила», «возможность», «полномочия», а в определенных случаях – «правление» и «органы власти».

Арендт дает собственную интерпретацию, высвечивая только один из смыслов концепта «власть», зафиксированных в «potestas» (и «power» как его производном) — а именно, «быть способным сделать что-то». При этом она отсекает такие важные значения, как «мощь» и «сила», и уж тем более «правление». Выдвинутый на первый план смысл она обогащает рядом важнейших оттенков, привнося социальную составляющую и минимизируя личностный аспект. «Власть, — пишет Арендт, — соответствует человеческой способности не просто действовать, но действовать согласованно. Власть никогда не бывает принадлежностью индивида; она принадлежит группе и существует лишь до тех пор, пока эта группа держится вместе» [3, с. 52]. Такая способность, несомненно, не может возникнуть без наличия в сообществе базового консенсуса. Да и реализоваться она может только в коммуникации, основанной на солидарности.

Поэтому неудивительно, что проводя демаркацию между «властью» с одной стороны, и «мощью», «силой» и «насилием», с другой, Арендт значительно сближает власть и авторитет. Действительно, у слов «власть» и «авторитет» есть общий семантический сегмент, который делает возможным не только сближение, но и их синонимизацию⁴², это — «способность вызывать желаемое действие». Примечательно, что в современном языке слова, производные от латинского «auctoritas» (английское «authority», французское «l'autorité», испанское «la autoridad», немецкое «die Autorität» etc.), используются и как «авторитет», и как «власть», и как «руководство» в смысле инстанций, облеченных особыми полномочиями. Арендт отсекает все эти значения, оставляя за авторитетом лишь влияние, обусловленное легитимностью: «Отличительный признак авторитета, — пишет она, — безусловное признание со стороны тех, от кого требуют повиновения, — ни принуждение, ни убеждение тут не требуются» [3, с. 53]. Как и власть, «авторитет исключает применение внешних сил принуждения; где применяется сила, авторитет пал» [4, с. 140]. В то же время, он не тождествен власти, поскольку отношение повелевающего и повинующегося не покоится «на власти того, кто повелевает; что у них общего, так это сама иерархия, которую оба признают правильной и легитимной, и в которой у обоих заранее установленное фиксированное место» [4, с. 140].

Таким образом, результатом применения этимологической и демаркационной оптик является смещение акцентов и иное высвечивания смыслов, содержащихся в семантическом поле концепта «власть». Арендт добивается этого путем вытеснения вайолентных элементов (таких, как «могущество», «сила», «принуждение») и насыщения его новыми оттенками значений.

Предложенная Х. Арендт концепция имеет значение не только сама по себе, как вариант философской рефлексии, противопоставившей власть и насилие. Исследовательская стратегия, направленная на дифференциацию и структуризацию семантического поля концепта «власть», на разграничение составляющих его смысловых пластов и выявление их соотношения, на актуализацию смыслов, традиционно отодвигаемых на второй план, стала матричной для современной философии. Ориентация на «пересборку концепта» стимулировала выявление новых граней смыслов и создание новых вариантов их комбинаций, вызывая к жизни такие версии, как концепция метавласти У. Бека, демаркацию «социального» и «политического» З. Баумана, противопоставление государства и политики А. Бадью etc. [см., напр. 7; 6; 5]. Даже в тех случаях, когда философы выступают оппонентами Х. Арендт и не готовы отказаться от вайолентного подхода, предложенный ею путь политико-философской концептуализации власти остается востребованным. При этом множественность смыслов, заключенных в концепте «власть», и разнообразие релевантных оптик по-прежнему остается мощнейшим вызовом, стимулирующим разработку данной проблематики.

---

⁴² Именно поэтому два латинских слова «potestas» и «auctoritas» оказались столь значимы для политической философии. Историю трансформации их взаимоотношений как вариантов номинации власти см. в: Марей, 2017.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. – М.: Издательство “Европа”, 2011. – 257 с.
2. Аласания К.Ю. Теоретические и методологические основания анализа политической власти во французском постмодернизме (вторая половина XX – начало XXI века) / К.Ю. Аласания. – М.: Современные тетради, 2010. – 120 с.
3. Арндт Х. О насилии / Х. Арндт. – Москва: Новое издательство, 2014. – 148 с.
4. Арндт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / Х. Арндт. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 416 с.
5. Бадью А. Краткий курс метаполитики / А. Бадью. – М.: Логос, 2005. – 240 с.
6. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
7. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика / У. Бек. – Москва: Прогресс-Традиция; Издательский дом “Территория будущего”, 2007. – 464 с.
8. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
9. Жижек С. О насилии / С. Жижек. – М.: Издательство “Европа”, 2010. – 184 с.
10. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий / М. Ильин. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 432 с.
11. Кожев А. Понятие Власти / А. Кожев. – М.: Праксис, 2006. – 192 с.
12. Колтаков Е.А. Понятие «политическая власть»: к концептуализации содержания / Е.А. Колтаков // Грамота. 2015. № 9(59). Ч.2. С. 91–98
13. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ / В.Г. Ледяев. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 384 с.
14. Марей А.В. Авторитет, или Подчинение без насилия / А.В. Марей. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. – 148 с.
15. Парсонс Т. О понятии «политическая власть» / Т. Парсонс // Антология мировой политической мысли: В 4 т. – Москва: «Мысль», 1997. – Т. II. – С. 479–486.
16. Сыгин А.Г. Власть / А.Г. Сыгин // Философия политики и права. 100 основных понятий. Словарь. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. – С. 23–25.
17. Dahl R. The Concept of Power / R. Dahl // Behavioral Science. – 1957. – № 2. – P. 201–215.
18. Stewart A. Theories of power and domination: the politics of empowerment in late modernity / A. Stewart – London: Thousand Oaks, California: SAGE, 2001. – 270 p.
19. Uphoff N. Distinguishing among power, authority and legitimacy: Taking Max Weber at his word using resource – exchange analysis / N. Uphoff // Polity. – 1989. – № 22(2). – P. 295–322.
20. Perspectives on power: an inter-disciplinary approach / Ed. by H.M. Morgan, J.L. Černič, L. Milligan. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Pub., 2010. – 397 p.

References

1. Agamben Dzh. Homo sacer. Suverennaja vlast' i golaja zhizn'. Moskva: Izdatel'stvo “Evropa”, 2011. 257 p.
2. Alasaniya K.Ju. Teoreticheskie i metodologicheskie osnovanija analiza politicheskoy vlasti vo francuzskom postmodernizme (vtoraja polovina XX – nachalo XXI veka). Moskva: Sovremennye tetradi, 2010. 120 p.
3. Arendt H. O nasilii. Moskva: Novoe izdatel'stvo, 2014. 148 p.
4. Arendt H. Mezhdju proshlym i budushhim. Vosem' uprazhnenij v politicheskoy mysli. Moskva: Izd-vo Instituta Gajdara, 2014. 416 p.
5. Bad'ju A. Kratkij kurs metapolitiki. Moskva: Logos, 2005. 240 p.
6. Bauman Z. Tekuchaja sovremennost'. Sankt-Peterburg: Piter, 2008. 240 p.
7. Bek U. Vlast' i ee opponenty v jepohu globalizma. Novaja vsemirno-politicheskaja jekonomija. M.: Progress-Tradicija; Izdatel'skij dom “Territorija budushhego”, 2007. 464p.
8. Benvenist Je. Slovar' indoeuropejskih social'nyh terminov. Moskva: Progress-Univers, 1995. 456 p.
9. Zhizhek S. O nasilii. Moskva: Izdatel'stvo “Evropa”, 2010. 184 p.
10. Il'in M.V. Slova i smysly. Opyt opisaniya ključevyh politicheskikh ponjatij. Moskva: «Ros-sijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 1997. 432 s.
11. Kozhev A. Ponjatje Vlasti. Moskva: Praksis, 2006. 192 p.
12. Koltakov E.A. Ponjatje «politicheskaja vlast'»: k konceptualizacii sodержanija. Gramota. 2015. № 9(59). Ch.2. S. 91–98.

13. Ledjaev V.G. Vlast': konceptual'nyj analiz. Moskva: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2001. 384 p.
14. Marej A.V. Avtoritet, ili Podchinenie bez nasilija. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2017. 148 p.
15. Parsons T. O ponjatii «politicheskaja vlast'». Antologija mirovoj politicheskoi mysli: V 4 t. Moskva: «Mysl'», 1997. Vol.II. P. 479–486.
16. Sytin A.G. Vlast'. Filosofija politiki i prava. 100 osnovnyh ponjatij. Slovar': Uchebnoe posobie. Pushkino: Centr strategicheskoi konjunktury, 2014. P. 23–25.
17. Dahl R. The Concept of Power. Behavioral Science. 1957. № 2. P. 201–215.
18. Stewart A. Theories of power and domination: the politics of empowerment in late modernity. London: Thousand Oaks, California: SAGE, 2001. 270 p.
19. Uphoff N. Distinguishing among power, authority and legitimacy: Taking Max Weber at his word using resource – exchange analysis. Polity. 1989. № 22(2). P. 295–322.
20. Perspectives on power: an inter-disciplinary approach / Ed. by H.M. Morgan, J.L. Černič, L. Milligan. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Pub., 2010. 397 p.

П.И. НОВГОРОДЦЕВ И И.А. ИЛЬИН О РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА (ОБЩИЕ И ОСОБЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ)

Ильин Алексей Александрович, аспирант
Московский государственный университетим. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 2
E-mail: korablevrr@mail.ru.

В данной статье автор анализирует политические идеи П.И. Новгородцева и И.А. Ильина на раннем и позднем творческом этапе. Дело в том, что на раннем этапе политические мысли учителя и ученика были направленные на поддержание революции. Поздние – опровергали её. Автор пытается определить причину такой идеологической изменчивости. Рассматривает автор политическую борьбу и идеологию ученых до и после 1917 г. Эти вопросы, в эпоху глобальных общественно-политических трансформаций оказываются ключевыми, считает автор. А опыт, оставленный в творческом наследии ученых, позволяет еще раз взглянуть и оценить революционные события от февраля к октябрю с позиции учителя (П.И. Новгородцева) и ученика (И.А. Ильина). Так как до революции ученые лишь философствовали об общих государственно-политических аспектах (не касаясь России). А накануне и в моментхода революционной перипетии переключились на общероссийские проблемы.

Ключевые слова: П.И. Новгородцев, И.А. Ильин, революция, большевизм, патриотизм, предательство, монархия, временное правительство

P.I. NOVGORODTSEV AND I.A. ILYIN ABOUT THE REVOLUTION OF 1917 (GENERAL AND SPECIAL POLITICAL MOMENTS)

Ilyin Alexey A., postgraduate student
Lomonosov Moscow State University
2 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: korablevrr@mail.ru

In this article, the author analyzes the political ideas of P.I. Novgorod-rodtssev and I.A. Ilyin at an early and late creative stage. The point is that at an early stage, the political thoughts of the teacher and student were directed toward supporting the revolution. Later – they denied it. The author tries to determine the cause of such ideological variability. The author considers the political struggle and the ideology of scientists before and after 1917. These issues, in the era of global socio-political transformations, turn out to be key. And the experience left in the creative heritage of scientists allows us once more to look at and evaluate the revolutionary events from February to October from the position of the teacher (PI Novgorodtsev) and the student (IA Il'in). Since before the revolution, scientists only philosophized about general state-political aspects. And on the eve and at the time of the revolutionary peri-ceti, they switched to all-Russian problems.

Keywords: P.I. Novgorodtsev, I. A. Il'in, teacher, student, liberal, conservative, revolution, consequences, patriotism, betrayal